

М. А. Эрелт, Синтаксис прилагательных эстонского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Таллин 1981.

21 сентября 1981 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР М. Эрелтом по теме «Синтаксис прилагательных эстонского языка». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту), доктор филологических наук Г. М. Керт (Петрозаводск) и доктор филологических наук Ю. Н. Караулов (Москва).

Несмотря на то, что начало изучения синтаксиса эстонского языка относится к середине XVII века (грамматика Й. Гутслаффа 1648 г. и грамматика Х. Гезекена 1660 г.), наиболее значительные достижения приходится на последние десятилетия нынешнего века. Следует, однако, отметить такие важные этапы в исследовании традиционного синтаксиса, как появление второй части грамматики эстонского языка Э. Аренса (1853), раздела синтаксиса в научной грамматике Ф. Й. Видеманна (1875) и особенно работы Л. Кеттунена «*Lauseliikmed eesti keeles*» (1924). В 1970-е годы появились обобщающие работы с богатым иллюстративным материалом. Методы структуральной лингвистики в той или иной мере затрагивались в посвященных синтаксису кандидатских диссертациях Э. Ууспыльд (1967) и Х. Раянди (1969). К настоящему моменту самым выдающимся научным трудом, где проблемы синтаксиса разрешаются с применением современных методов, представляется докторская диссертация (1974) Х. Рятсепа «*Eesti keele lihtlause struktuur. Verbikesked lausemallid*», легшая в основу изданной в 1978 году книги. В работе М. Эрелта (383 с. машинописного текста) основное внимание уделено прилагательному. Синтаксис прилагательного на нынешнем этапе исследований, когда Институт языка и литературы АН ЭССР приступил к составлению научной грамматики эстонского языка, несомненно тема актуальная. Однако поскольку пробелов

достаточно и в других разделах синтаксиса эстонского языка, автор не ограничился синтаксисом прилагательного, а первую главу посвятил общетеоретическим проблемам. Работа состоит из четырех глав, введения, заключения и списка литературы.

Во введении четко сформулирована тема и задачи исследования, описаны основные источники. Радует, что автор опирался не только на свою языковую компетенцию, как это, к сожалению, принято в последние годы, а широко использовал фактический материал современных изданий и картотеку литературного языка Института языка и литературы АН ЭССР.

Первая глава работы (с. 15—105) полностью посвящена теории синтаксиса. Здесь рассматриваются такие несомненно центральные вопросы, как предложение и его аспекты, семантико-синтаксическая структура предложения, диатезы и залоговые части речи.

М. Эрелт подчеркивает, что как языковая единица модель предложения представляет собой обобщение многих конкретных предложений и что в работе описываются только модели грамматически правильных предложений. Анализ же грамматически неправильных, но приемлемых в конституции предложений, приходится на долю грамматики текста. С такой позицией можно согласиться.

В общесинтаксическом плане к основным задачам исследования относится введение в синтаксис эстонского языка принципа центра — периферии и соответственно новых принципов классификации языковых единиц, что, разумеется, является лишь одной гранью теоретической новизны работы. Мнение автора о том, что синхронное описание языка тем более адекватно, чем больше оно мотивировано диахронически и гносеологически, заслуживает всяческого признания. Язык, имеющий свою историю, недопустимо даже при синхронном описании рассматривать как некую статическую систему. Его следует рассматривать прежде всего как результат исторического процесса и как отправную точку дальнейшего развития. По-

этому и при синхронном описании языка следует воздерживаться от сознательного утверждения того, что может противоречить динамической природе языка. Учитывая изменчивый характер языка, автор пользуется понятием «транспозиции», причем в более широком смысле, чем это делалось до сих пор. Это понятие с частей речи распространяется на члены предложения. В целом М. Эрелт весьма критически относится к различным точкам зрения и методам исследования, вырабатывая при этом свой подход к изучению синтаксиса эстонского языка.

Останавливаясь на семантических функциях аргументов, автор справедливо отмечает, что значение предложения не сводится к сумме значений слов, как считали, например, представители порождающей грамматики. Критике подвергнуты и концепции генеративистов, склонных считать свои классификации семантических функций универсальными, пригодными для любых языков. М. Эрелт много внимания уделяет описанию структуры предложения в терминах семантических функций аргументов. Поскольку еще нет полного описания синтаксиса эстонского языка, представляется вполне достаточным выделение десяти семантических функций аргументов: агент (производитель действия), инструмент₁ (средство выполнения действия), инструмент₂ (непосредственная причина результирующего события в каузативной ситуации), экспериенцер (объект, находящийся в каком-нибудь психическом или физиологическом состоянии), пациент (семантически — наиболее нейтральная функция), бенефициант (обладатель или получатель), далее — цель, место, отправной пункт, пункт назначения.

Самым проблематичным здесь представляется различие экспериенцера и агента, крайне близких по сути понятий. Но на поставленные автором шесть контрольных вопросов можно ответить положительно во всех случаях лишь, если имеем дело с агентом, а не с экспериенцером. Это все-таки говорит в пользу такого различия функций. Столь детальный анализ открывает в изучении синтаксиса эстонского языка новые аспекты.

В работе в значительной мере уточнены определения членов предложения эстонского языка, особенно подлежащего и прямого дополнения. Автор различает

первичные и вторичные подлежащие и прямые дополнения, мотивируя существование вторичных членов предложения переходом одних членов предложения в другие, т. е. транспозицией. В данной работе впервые поставлена под сомнение, и вполне обоснованно, субъектность парциального подлежащего (*Laul on leiba* букв. 'На столе есть хлеба') и показана близость этой словоформы к прямому дополнению. В отличие от некоторых других авторов М. Эрелт придерживается традиционной точки зрения относительно обстоятельств, считая последними как аргументы, которые выражают участников ситуации и не являются подлежащими или прямыми дополнениями, так и сирконстанты.

От традиционного отличается толкование принципа иерархичности членения предложения. Традиционный анализ, например, в предложении *Ma kavatsen kinkida emale kübara* 'Я собираюсь подарить маме шляпку' не делает принципиального различия между прямыми дополнениями *kinkida* 'подарить' и *kübara* 'шляпку'. В работе же конструкция *kinkida emale kübara* 'подарить маме шляпку' интерпретируется в целом как первичное дополнение. В рамках этой конструкции *kinkida* 'подарить' является вторичным сказуемым, а *kübara* 'шляпку' — вторичным прямым дополнением.

Отличная от традиционной интерпретация диатезы и залога позволяет противопоставить активу эстонского языка как имперсонал, так и пассив, т. е. имперсонал и пассив рассматриваются как два различных производных залога. Тем самым автор подвергает критике точку зрения на имперсонал Х. Раянди. При анализе предложений типов *Klapid olid suletud* 'Клапаны были (кем-то) закрыты; Клапаны были в закрытом положении' (по одной интерпретации — пассив, по другой — активное предложение с предикативом) и *Klapid oli suletud* 'Клапаны закрыли' (имперсонал) целесообразно было бы провести сравнение с финском языком, где собственно глагольная форма без *-t* (*oli suliettu*), в то время как первому варианту в финском языке соответствовало бы причастие в номинативе множественного числа (*ovat sulietut*), которое можно анализировать только как предикатив. Для рецензента оказалось от-

кровением, что по данным автора, предложение *Klapid oli suletud* многие вообще считают грамматически неправильным.

Предложение типа *Sa oled mulle armas* 'Ты мне мила' в работе считается квазипассивным и *Mul oli piinlik kingitust vastu võtta* 'Мне было неудобно принять подарок' — демипассивным.

В работе уточнены принципы классификации слов и даны новые определения частей речи эстонского языка. При этом выделяются первичные и вторичные субстантивы, глаголы, прилагательные и наречия. Существование же вторичных частей речи объясняется транспозицией частей речи.

Главы «Предикативное прилагательное» (с. 106—177), «Атрибутивное прилагательное» (с. 178—247) и «Градиация прилагательного» (с. 248—332) посвящены непосредственно проблематике синтаксиса прилагательных.

При описании моделей предложений с прилагательными в позиции предикатива автор ограничился предложениями с глаголом *olema* 'быть'; предполагая, что набор словоформ, зависящих от прилагательного, должен сохраняться и в предложениях с другим глаголом (с. 110). Рецензенту же хотелось бы все-таки узнать, какие это другие глаголы, а также убедиться, что «все сохранится». Традиционные грамматики в предикативных предложениях наряду с глаголом *olema* 'быть' дают глаголы *näima* 'казаться', *tunduma* 'казаться' и т. д. Несколько удивляет, что эти глаголы в настоящей работе даже не упоминаются.

Классификация предложений проведена в работе удачно в виде трех типов моделей предложений (последние записаны на метаязыке — формулами). Ими являются семантические (точнее, семантико-синтаксические), собственно синтаксические и морфологические (точнее, морфолого-синтаксические) модели. Символы употреблены корректно и безупречно.

Списки прилагательных, представленных в работе, по вполне понятным причинам остаются открытыми — практически невозможно перечислить все прилагательные, для которых характерна та или иная модель или трансформация. Автор не стал приводить модели таких инфинитивных предложений, как *Sinust pole viisakas niimoodi rääkida* букв. 'От

тебя невежливо так говорить' и *Sinu poolt on rumal narrida tüdrukuid* 'С твоей стороны глупо дразнить девочек', которые не все носители эстонского языка считают приемлемыми. По мнению рецензента, их модели можно было бы тем не менее представить, но с комментариями. В работе встречаются еще некоторые не совсем ясные места. В перечне прилагательных иногда хотелось бы видеть больше примеров, например, на с. 133, где у предложения *Kusta oli uhke oma maja üle* букв. 'Куста был горд над своим домом' и др. дано всего два прилагательных: А = *kade, uhke*, в то время как в случае А = *kurb, kuri* и т. д. для этих же целей отведено три строки. Более рациональное расположение материала позволило бы дать больше информации.

Как пример демипассива приводится тип предложения *Raamid olid tülikad vedada* букв. 'Рамы были хлопотны везти' (с. 141). Утверждение, что здесь дело во влиянии других языков, не убедительно, так как в работе отсутствует сравнение с родственными языками, где кстати такой тип все же встречается. Хотя автор со своей стороны и настаивает на употребительности таких предложений, соответствующих моделей он, однако, не приводит. Следовало бы найти технически более гибкое решение. Последнее и многие другие замечания рецензента касаются внешней организации исследования, могут быть спорными, и ни в коем мере не затрагивают содержательную сторону работы.

Можно присоединиться к мнению автора, что аллативная форма зависящего от взаимного прилагательного слова — результат влияния других языков. Но не хотелось бы случайным отклонением от нормы считать конструкции типа *sarnane kellele?* 'похож на кого?', например, *Tütar on emale sarnane* 'Дочь похожа на мать', так как подобное употребление распространено в Южной Эстонии, да и в литературном языке аллативная форма время от времени полноправно существовала наравне с комитативной формой.

М. Эрелт на материале эстонского языка убедительно показывает, насколько упрощено и утрировано было представление Н. Хомского о том, что любовь атрибутивную конструкцию можно возвести к предикативному предложению. Ведь

в языке существуют прилагательные, которые могут выступать атрибутами, а не предикативами. Например, конструкция *jooksev pois* 'бегущий мальчик' возводится только к предложению *Pois jookseb* 'Мальчик бежит', но не к несуществующему предикативному предложению *Pois on jooksev* 'Мальчик бегущ'.

В связи с отглагольными прилагательными в атрибутивных конструкциях (*jooksev pois* 'бегущий мальчик', *kirjutav kiri* букв. 'пишущееся письмо') рецензент ожидал встретить и конструкции типа *haukuja koer* 'лающая собака', *lüpsja lehm* 'дойная корова', но они отсутствуют в диссертации полностью. Древние конструкции этого типа, которые, кстати, встречаются в родственных языках — ливском и венском, берут свое начало по крайней мере в волжском периоде (причастия на -j).

С точки зрения правописания в синтаксисе эстонского языка актуальны вопросы, связанные с природой постпозитивного атрибута, а также проблемы координации и субординации атрибутивных прилагательных. И те и другие вопросы детально и исчерпывающе освещены в третьей главе «Атрибутивное прилагательное». Всячески оправдана критика традиционной интерпретации постпозитивного атрибута (с. 225 и т. д.).

В рассмотрении не включено прилагательное в позиции обстоятельства, как в предложениях *Ema külmstab lapse haigeks* букв. 'Мать заморозит ребенка больным', *Laps läks haigena kooli* 'Ребенок пошел в школу больным'. Действительно, прилагательное в этих конструкциях выступает зависимым от глагола элементом, но, по мнению рецензента, эти случаи стоило бы в какой-то мере связать с синтаксисом прилагательного. Во всяком случае семантический аспект не должен быть тому помехой. Небезынтересно было бы сравнить и субстантивные типы *Ta on õpetaja* 'Он учитель' и *Ta on õpetajaks* букв. 'Он есть учителем', но это, к сожалению, не умещается в рамки данной диссертации.

Основателем анализ градации прилагательного. Классификация компаративных предложений близка к схеме А. Норена, но они все-таки не совпадают. Как дескриптивная релятивная, так и функциональная релятивная градации подраз-

деляются на две: градации неравенства и равенства. Дескриптивная градация равенства в эстонском языке встречается в виде экватива *Jüri on niisama pikk kui Mari* 'Юри такого же роста, как Мари', который наряду с компаративом и суперлативом рассматривается в работе как семантико-синтаксическая категория. Типичным падежом аргумента, обозначающего основу сравнения в компаративной конструкции, в современном эстонском языке служит элатив, например, *Ta on minust pikem* 'Он выше меня'. Добавим, что в диалектах и старом литературном языке пользовались еще партитивом, который на самом деле будучи древним аблативом, также отвечал на вопросы *откуда? от кого? от чего?* В случае абсолютной градации прилагательного, например, при предосновах *hüügla-* и др. встают проблемы правописания (слитное и раздельное написание), которые по ходу дела затрагиваются и в рецензируемой работе.

В заключении делается итоговый обзор проблематики работы (с. 333—365). Конкретные примеры позволяют еще раз убедиться, насколько обширно и глубоко проведено исследование синтаксиса эстонского языка. Впервые в исследовании синтаксиса эстонского языка введено представление об организации языковой системы по принципу центра — периферии, вытекающее из признания асимметричности языковой системы. Исходя из этого принципа, основательно откорректированы определения членов предложения и частей речи эстонского языка и соответствующие системы в целом. Членение предложения, учитывающее иерархию компонентов ситуации, и опирающаяся на понятия диатезы и залога типология предложения вносят значительные изменения в современные представления о синтаксисе эстонского языка. Основательное же и решающее целый ряд проблем описание предложений с прилагательными в позиции предикатива, атрибутивных конструкций и градации прилагательных заполняют большой пробел в существовавших до сих пор знаниях о структуре эстонского языка.

Выдвинутые автором новые идеи, а также описания конкретных подсистем эстонского языка можно непосредственно использовать при составлении научной грамматики эстонского языка, а также

современных программ по синтаксису как для высших, так и для средних школ. Многие из положений М. Эрелта уже учитываются при обучении в высших школах, например, принцип иерархичности членения предложения, определения членов предложения и частей речи и т. д. Принципы классификации слов и описание синтаксиса прилагательного, прежде всего предикативного, могут пригодиться при составлении толкового словаря эстонского литературного языка.

В заключение можно констатировать, что исследование М. Эрелта «Синтаксис прилагательных эстонского языка» содержит решение крупных и важных проблем синтаксиса эстонского языка. Особого выделения заслуживает теоретическая часть работы, в которой сделана попытка дать единую основу для дальнейшего исследования синтаксиса.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

О. Е. Поляков, Аффрикаты и сибиланты в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках и диалектах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1981.

30 ноября 1981 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником сектора мордовского языкознания Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР О. Е. Поляковым «Аффрикаты и сибиланты в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках и диалектах». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук доцент М. Бибин (Саранск).

Мокшанские и эрзянские диалекты исследованы довольно хорошо, но до сих пор звуковая система этих языков была изучена недостаточно и только субъективным методом, главным образом, на основании аудитивных и визуальных анализов. Отсутствовали более точные сведения об акустической и анатомо-физиологической характеристике звуков на основе экспериментальных данных. В исследовании О. Е. Полякова окончательные выводы сделаны на основе осциллографии и палатографии. Автор приводит 49 осциллограмм и 72 палатограммы, которые подтверждают, что экспериментатор пользовался правильным методом и верно описал артикуляцию современных сибилантов и аффрикат в мордовских языках. Мето-

ды экспериментально-фонетического исследования подробно описаны на с. 8—9. Автор поступил вполне правомерно, когда решил выяснить особенности и функционирование этих звуков в мокшанском и эрзянском литературных языках, а также в разных диалектах. В мордовских языках сохранились многие древние черты употребления финно-угорских сибилантов и аффрикат. На богатом фактическом материале в труде О. Е. Полякова впервые раскрывается сложность современного состояния и разнообразие исторического развития этих групп мордовских согласных. Источником изучения мордовских сибилантов и аффрикат послужила, в первую очередь, живая мордовская речь. Кроме того, в диахроническом плане использованы данные языковых контактов с индоевропейскими и тюркскими языками. Приводятся также параллели из других финно-угорских языков. Автор правильно показывает те из тюркских и русских заимствований, которые помогают доказать, каким образом некоторые редкие звуковые изменения в прошлом могли происходить во всех мордовских диалектах, а некоторые — лишь в отдельных говорах. В этой связи О. Е. Поляков отмечает, что самыми древними в мордовских языках считаются иранские и балтийские заимствования (с. 7). Следует заметить, что в мордовских языках действительно имеются иранские заимствования, но нет достоверных доказательств существования балтийских заимствований.